

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Какъ - то вечеромъ нѣсколько пріятелей собралось у одного изъ нашихъ самыхъ извѣстныхъ писателей. Послѣ сытнаго обѣда они говорили на тему объ убійствахъ. Не помню ужъ, что навело ихъ на эту тему; можетъ быть пустякъ какой-нибудь. Были одни мужчины. Моралисты, поэты, философы, врачи — люди которые могутъ позволить себѣ говорить свободно обо всемъ, не стѣняя своихъ мыслей, фантазій, влеченій въ какія - бы то нибыло рамки, и не боясь вызвать смятеніе и ужасъ своимъ смѣлымъ сужденіемъ, котораго такъ боится нотариусъ: — я говорю «нотариусъ», какъ сказалъ - бы адвокатъ, или портье, — отнюдь не изъ презрѣнія къ этимъ профессіямъ, но, чтобъ точнѣе опредѣлить средній уровень французскаго развитія.

— По моему, убійство—главный двигатель человеческой дѣятельности—произнесъ членъ академіи по морально - политическимъ наукамъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ, какъ-будто-бы рѣчь шла о качествахъ его сигары.

Казалось, это только вступленіе къ сложной теоріи, но онъ замолкъ.

— Очевидно!..—сказалъ ученый дарвинистъ...—Это одна изъ тѣхъ вѣчныхъ истинъ, дорогой-мой, которые въ изобиліи открывалъ легендарный де-ла-Палиссъ... Убійство — служитъ базой всѣхъ нашихъ соціальныхъ установленій, слѣдовательно, безъ него не могла-бы

существовать цивилизованная жизнь... Не будетъ преступленій—не будетъ и правительства. Вѣдь существованіе правительства, какъ это не странно, только и оправдывается преступленіями вообще и убійствами въ частности... А то мы жили-бы при полной анархїи, чего конечно быть не можетъ. Поэтому, не лучше-ли, чѣмъ стремиться къ уничтоженію убійства,—такъ какъ это недостижимо,—не лучше-ли попытаться урегулировать это органическое стремленіе... Для этой цѣли, думается мнѣ, разумнѣе всего было-бы издать законы.

Кто-то изъ присутствующихъ возмущился.

— Послушайте, — вѣдь мы здѣсь свои люди — сказалъ ученый. — Къ чему лицемѣрить?

— Совершенно вѣрно!..—согласился хозяинъ дома... Такъ рѣдко представляется случай, когда можно поговорить откровенно, высказать свои затаенныя мысли, что нужно имъ пользоваться. Вѣдь мы съ вами оба—я въ моихъ сочиненіяхъ, вы на вашихъ лекціяхъ,—вынуждены всегда притворяться.

Ученый, сидѣвшій все время нога на ногу, съ наслажденіемъ вытянулъ свои затекшія ноги, и принялъ болѣе удобную позу; закинувъ голову и свѣсивъ руки, онъ пускалъ въ потолокъ кольца дыма, повидимому, благодушествуя послѣ обѣда.

— Впрочемъ, — продолжалъ онъ, — почва для преступленій и не нуждается въ особенномъ уходѣ... Я хочу сказать, что убійство вовсе не является послѣдствіемъ вырожденія или результатомъ той или иной страсти. Нѣтъ,—это просто жизненный инстинктъ, который таится въ каждомъ изъ насъ—въ каждомъ живомъ существѣ... инстинктъ такой-же властный, какъ стремленіе къ продолженію своего рода. Эти два инстинкта до такой степени тождественны, что въ концѣ концовъ составляютъ одно цѣлое, и трудно опредѣлить, который изъ двухъ даетъ толчекъ къ зарожденію новой жизни или къ лишенію ея... гдѣ—жажда любви и гдѣ—жажда смерти? Одинъ почтенный убійца какъ-то при-

знался мнѣ, что онъ убивалъ женщинъ не съ цѣлю грабежа, а для того, чтобъ воспользоваться ими. Спортъ его заключался въ томъ, чтобъ спазма наслажденія совпадала съ спазмой смерти:

«— Въ такой моментъ — говорилъ онъ мнѣ — я мнилъ себя творцомъ міра».

— Ну, если вы будете дѣлать ваши наблюденія надъ профессиональными преступниками!..—воскликнулъ писатель.

Но ученый спокойно возразилъ.

— Всѣ мы до известной степени—преступники... Всѣ мы испытывали, въ минимальной степени—не спорю—аналогичные инстинкты. Мы не даемъ развиться этому врожденному преступному инстинкту, мы обуздываемъ его животную силу и даемъ ему законное примѣненіе: промышленность, колоніальную торговлю, войну, охоту, антисемитизмъ... Мы знаемъ, что опасно чрезмѣрно отдаваться этому инстинкту, влѣкъ обусловленныхъ законовъ, и что нравственное удовлетвореніе ничтожно по сраженію съ обычными послѣдствіями: тюрьмой, судебной волокитой, отнюдь не занимательной и не имѣющей научнаго интереса, — и наконецъ гильотиной...

— Вы преувеличиваете — возразилъ первый изъ говорившихъ. Одни только неотесанные, глупые убійцы, грубые и лишенные всякаго психологическаго чутья животныя, — подвергаютъ себя опасности... Человѣкъ умный и обладающій чувствомъ логики, можетъ совершить любое преступленіе съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Онъ увѣренъ, что останется безнаказаннымъ... Логическое превосходство его плана, всегда одержитъ побѣду надъ рутинной полицейскаго сыска и даже надъ нехитрыми соображеніями законовъ, которыми довольствуются наши судьи... Здѣсь также, какъ и во всемъ, маленькіе людишки платятся за болѣе крупныхъ... Согласитесь, мой милый, что количество преступленій неизвѣстныхъ...

— И допустимыхъ...

— И допустимъ—я это собирался сказать... Согласитесь, что количество этихъ преступленій превышаетъ въ тысячу разъ количество раскрытыхъ и наказанныхъ... которыя до мельчайшихъ подробностей описываютъ болтливыя газеты, съ увлеченіемъ, но безъ всякаго здраваго смысла. Если это такъ, то согласитесь также, что жандармъ не можетъ устранишь убійцу вышшаго, такъ сказать, порядка.

— Безъ всякаго сомнѣнія. Но рѣчь шла не о томъ... Вы уклонились въ сторону. Я говорилъ, что убійство—явленіе нормальное, а не исключительное; стремленіе къ нему—свойство всякаго живого существа. Вотъ почему, меня возмущаетъ, что подъ предлогомъ управлять людьми, общество присвоило себѣ исключительное право убійства, лишивъ этого права отдѣльнаго индивидуума, тогда, какъ ему-то оно и должно принадлежать, какъ природное его свойство.

— Вполнѣ справедливо!—заявилъ одинъ изъ присутствующихъ — симпатичный и разговорчивый философъ, лекція котораго въ Сорбоннѣ посѣщались избранной публикой... — Нашъ другъ совершенно правъ... Я лично, считаю, что нѣтъ ни одного живого существа, которое не было - бы — хотя - бы мысленно — убійцей... Иногда я занимаюсь наблюденіемъ лицъ въ гостиницахъ, на вокзалѣ, въ церквяхъ, въ кафе, въ театрахъ—всюду, гдѣ толпится народъ... И что-же я замѣтилъ?.. Всякій изъ нихъ носитъ на себѣ печать этого фізіологическаго закона — инстинктъ убійства, — будь то въ формѣ черепа, въ затылкѣ, во взглядѣ, въ нижней части лица, въ скулахъ... Это не плодъ моей фантазіи, — на каждомъ шагѣ я сталкиваюсь съ этимъ инстинктомъ: онъ всплываетъ въ глазахъ, таинственное присутствіе его я ощущаю въ рукопожатіяхъ... Въ прошлое воскресенье я былъ на храмовомъ праздникѣ въ одной деревнѣ... На базарной площади, разукрашенной зеленью, цвѣточными арками и флагами, было устроено обычное народное гулянье съ всевозможными увеселеніями, подъ отечественнымъ наблюденіемъ

властей. Однако, ни деревянные лошади, ни русскія горы, ни качели, не привлекали праздничную толпу. Тщетно шарманки наигрывали самыя развеселыя мелодіи и заманчивыя ригурнели. Толпа занята была другимъ. Одни стрѣляли въ мишени, изображавшія человѣческія лица, стрѣляли изъ карабиновъ, пистолетовъ и добрыхъ старыхъ арбалетовъ, другіе дѣятельно разстрѣливали жалкихъ маріонетокъ, разставленныхъ на деревянныхъ доскахъ. Третьи ударяли молоточками по пружинкѣ, приводившей въ движеніе доску съ фигурой французскаго моряка, который съ патріотическимъ усердіемъ закалывалъ штыкомъ несчастнаго гавайца или смѣшнаго дагомейца... Всюду, въ палаткахъ и въ ярко освѣщенныхъ ларькахъ — вездѣ игра въ смерть, пародія на убійство, преступныя представленія... И добродушные люди были очень довольны!

Всѣ поняли, что философъ разошелся... И мы усѣлись поудобнѣе, чтобъ выдержать потокъ его краснорѣчія, теорій и разсказовъ. Онъ продолжалъ:

— И я обратилъ вниманіе, что эти мирныя забавы за послѣдніе годы, значительно усовершенствовались. Увлеченіе убійствомъ растетъ, крѣпнѣтъ и становится общимъ достояніемъ, но мѣръ того, какъ нравы смягчаются... Да, это такъ, повѣрьте! Въ прежнія менѣе культурныя времена, стрѣльба въ цѣль представляла убогое зрѣлище. Разстрѣливались трубки, яичная скорлупа, прыгающая въ струйкѣ фонтана. Въ болѣе роскошныхъ тирахъ имѣлись и птицы, но не живыя, а гипсовыя. Ну, что въ этомъ занятнаго, скажите на милость? Теперь, вмѣстѣ съ прогрессомъ, каждый честный труженникъ имѣетъ возможность за два су получить изысканное и культурное удовольствіе—удовольствіе убійства... И сверхъ этого выиграть раскрашенную тарелку, или кролика. Трубки, яичная скорлупа, гипсовыя птицы легко и глупо бьются и не даютъ никакихъ кровавыхъ илювій,—и вотъ ярморочная изобрѣтательность замѣнила ихъ игрушечными человѣчками въ надлежащихъ костюмахъ... Потомъ изобрѣли хитрый

механизмъ, для того, чтобы заставить ихъ двигаться... и эти человѣчки—автоматы весело гуляютъ или испуганно убѣгаютъ, они появляются въ одиночку, или группами, среди бутафорскихъ пейзажей, влѣзаютъ на стѣны, берутъ укрѣпленія, выскакиваютъ изъ оконъ и карапкаются по трапамъ... Они двигаютъ руками, ногами, головой, словомъ, совсѣмъ, какъ живыя существа. Одни какъ-будто плачутъ, другіе имѣютъ несчастный видъ, или больной... Нѣкоторые одѣты по царски, въ золото, какъ въ сказкахъ, Можно подумать, что у нихъ есть разумъ, воля, душа... что они живутъ и чувствуютъ!.. Иногда они принимаютъ патетическія позы и какъ будто молятъ:—«Сжался!.. Не убивай меня!..»—За то оно и пріятно убивать нѣчто, что движется, страдаетъ, умоляетъ!.. И вы ощущаете во рту вкусъ теплой крови, направляя въ этихъ автоматовъ свое ружье, или пистолетъ... Развѣ не восхитительно, когда пуля срываетъ голову атому подобію человѣка, или стрѣла пронзаетъ картонныя груди, и маленькія неподвижныя тѣлцы устилаютъ землю совсѣмъ, какъ настоящіе трупы!.. Кругомъ нервное возбужденіе... Всѣ принимаютъ участіе и вопятъ:—«Да, уже надо его прикончить!.. Въ сердце его!.. Цѣлься въ глазъ!.. Ну, вотъ, готово!..» — Насколько эти добродушные люди равнодушны къ картонамъ и трубкамъ, настолько они воспламеняются, когда мишенью служить человѣческая фигура. Неопытные стрѣлки злятся не на свое неумѣніе, а на маріонетку, въ которую не могутъ попасть... Они ругаютъ ее, а когда она исчезаетъ за укрѣпленіемъ, обвиняютъ въ трусости и угрожаютъ:—«Вернись только, подлая».—И снова стрѣляютъ, пока не убьютъ ее. Вы только взгляните, на этихъ добрыхъ парней. Они превращаются въ убійцъ, преступниковъ, движимыхъ однимъ инстинктомъ убійства. При одной мысли, что они могутъ убить нѣчто живое, звѣрь просыпается въ нихъ... Игрушечные человѣчки не кажутся ужъ имъ забавой, предметомъ неодушевленнымъ... Имъ мерещится въ нихъ плоть и кровь... нервы, разумъ...

всѣ свойства человѣка, котораго такъ пріятно уничтожить, убить... видѣть, какъ онъ истекаетъ кровью и испытывать при этомъ звѣрское, жгучее чувство наслажденія... Маріонетки кажутся имъ настоящими людьми, съ противными имъ политическими и релігіозными убѣжденіями... жида, нѣмца, или англичане... Это разжигаетъ ихъ еще больше и въ инстинктивномъ стремленіи убить, они находятъ еще удовлетвореніе личной ненависти, сведенія личныхъ счетовъ...

Здѣсь вмѣшался хозяинъ дома, желая дать передохнуть и философу, и своимъ гостямъ. Онъ мягко замѣтилъ:

— Вы заговорите о простомъ народѣ, который, дѣйствительно, еще находится въ первобытномъ состояніи... но не думаю, чтобъ ваши наблюденія относились и къ людямъ культурнымъ, развитымъ, къ людямъ общества, напримѣръ, которые на каждомъ шагу побѣждаютъ свой природный инстинктъ и пережитки варварства.

Философъ съ живостью возразилъ:

— Позвольте... Назовите мнѣ привычки и любимыя развлеченія вашихъ «культурныхъ и развитыхъ» людей? Фехтованіе, дуэли, опасный спортъ, голубиный тиръ, бой быковъ, всяческія тѣлесныя упражненія, охота... словомъ все то, что является, въ сущности, возвращеніемъ вспять, къ варварскому состоянію, когда человѣкъ—съ позволенія сказать—мало отличался отъ тѣхъ самыхъ дикихъ звѣрей, которыхъ преслѣдовалъ... Впрочемъ, намъ не приходится сожалѣть, что охота не отошла въ область прежнихъ нравовъ, и дошла до насъ въ первоначальномъ видѣ. Благодаря ей, наши «культурные и развитые люди», находятъ исходъ, безъ ущерба для общества, своимъ кровавымъ и разрушительнымъ страстямъ. Иначе, повѣрьте, оленей, кабановъ и невинную дичь замѣнили-бы мы, смертные; эти «культурные умы» напустили-бы на насъ свою дикую свору и съ удовольствіемъ убивали-бы и подстрѣливали-бы насъ, что они и дѣлають, когда пред-

ставляется малѣйшая возможность, причемъ продѣлываютъ это куда откровеннѣе, чѣмъ животныя!.. Нѣтъ, пожелаемъ, чтобъ дичь никогда не исчезала изъ нашихъ равнинъ и лѣсовъ... Въ ней наше спасеніе и такъ сказать, выкупъ!.. Исчезни она, и «культурные умы» доберутся до насъ. Дѣло Дрейфуса служить лучшимъ примѣромъ... Никогда еще жажда убійства и охота на человѣка, не доходили до такого открытаго цинизма... Въ вереницѣ ежедневныхъ чудовищныхъ фактовъ, порожденныхъ этимъ пресловутымъ дѣломъ, случай съ нашимъ великимъ ученымъ — Гримо въ Нантѣ, котораго «культурные люди» преслѣдовали на улицѣ, осыпая оскорбленіями и угрожая смертью, — случай этотъ самый характерный... Никогда также не забуду поступка мэра города Клиссона... Въ своемъ письмѣ, въ послѣдствіи опубликованномъ, онъ запретилъ Гримо вѣзть въ городъ и выразилъ сожалѣніе, что современные законы лишаютъ его возможности «вздернуть его на висѣлицу», по примѣру добраго стараго времени, когда съ учеными не церемонились... И, сей почтенный мэръ заслужилъ полное одобреніе того самого «общества», члены котораго, по мнѣнію нашего хозяина на каждомъ шагу блестяще побѣждаютъ свои природныя инстинкты и пережитки варварства. Замѣьте, кромѣ того, что контингентъ офицерства почти исключительно состоитъ изъ этихъ «культурныхъ и просвѣщенныхъ людей», которые ничуть не хуже и не глупѣе другихъ людей, а между тѣмъ добровольно выбираютъ ремесло — весьма, впрочемъ, почетное — въ которомъ всѣ помыслы направлены къ тому, чтобъ достигъ высшаго совершенства въ искусствѣ грабить, разрушать и убивать... Развѣ военныя суда не носятъ вполне законно и справедливо такія названія, какъ «Грозный», «Разрушитель», «Ужасный»... А я самъ?.. Вѣдь я не чудовище... и кажется человѣкъ вполне нормальный, съ нѣсколько чувствительной натурой, образованный, культурный и общительный... А сколько разъ я испытывалъ жажду преступ-

лепія въ глубинѣ моего существа, въ крови кипѣло страстное, непреодолимое желаніе убить!.. Не думайте, чтобъ это было слѣдствіемъ гнѣвнаго припадка, или вспышки страсти... или алчнымъ порывомъ... ничуть!.. Это желаніе вспыхиваетъ во мнѣ безпричинно, внезапно... напримѣръ, на улицѣ, при видѣ спины какого-нибудь прохожаго незнакомца. Да, есть такія спины, которыя такъ и просятъ, чтобъ въ нихъ всадили ножъ... Но почему?!

Послѣ этого неожиданнаго признанія, философъ на минуту смолкъ и боязливо взглянулъ на насъ... Потомъ снова началъ:

— Нѣтъ, пусть моралисты говорятъ что угодно... жажда убійства такой-же произвольный инстинктъ, какъ голодъ... инстинктъ, который является двигателемъ всѣхъ живыхъ существъ. И воспитаніе не обуздываетъ его, а развиваетъ, религія не проклинаетъ, а освящаетъ; это — ось, вокругъ которой вертится наше великолѣпное общество. Вмѣстѣ съ проблескомъ сознанія, ребенку внушаютъ идею убійства. Убійство возводится въ обязанность, въ героизмъ, и сопровождаетъ человѣка по всѣмъ этапамъ его существованія. Человѣку вмѣняется въ обязанность поклоняться нелѣпнымъ богамъ,—богамъ ненависти и разрушенія, которые дуютъ человѣческую жизнь и скашиваютъ цѣлые народы, какъ хлѣбные поля. Онъ долженъ поклоняться только героямъ, этимъ отвратнымъ животнымъ, которые купаются въ человѣческой крови и несутъ на себѣ бремя преступленій. И своимъ возвышеніемъ, своей славой, богатствомъ, счастіемъ въ любви, онъ обязанъ только убійству, одному убійству... Война, какъ національный долгъ, является оправданіемъ вѣчнаго и общечеловѣческаго стремленія къ убійству.

Вездѣ и всюду это слово бросается въ глаза; оно начертано на фронтонахъ огромной бойни, именуемой: Человѣчество. Какъ-же вы хотите, чтобъ человѣкъ, которому съ дѣтства прививается презрѣніе къ жизни ближняго, котораго предназначаютъ для законныхъ